

Образ отца в поэзии Бориса Рыжего

Жизнь и творчество «трансзиатского поэта» изучается давно. Выйдя из области литературной критики – прижизненной и посмертной – и пройдя через подготовку самых разных книжных изданий, всё перешло в литературоведческую плоскость. Появляются как отдельные научные статьи, так и монографии.

Однако ещё нигде не рассматривался образ отца. Есть некоторое количество стихотворений, где он проявляется: «Кальян» («Так и курят кальян...», 1993), «Когда бы знать наверняка...» (1997), «Ну вот, я засыпаю наконец...» (1997), «А иногда отец мне говорил...» (1999), «Прежде чем на тракторе разбиться...» (1999), «Живу во сне, а наяву...» (2000). При этом надо понимать, что стихотворный отец и реальный отец – во многом схожи, но при их сопоставлении есть свои нюансы.

Борис Петрович Рыжий (1938–2004) – доктор геолого-минералогических наук, профессор и заведующий лабораторией региональной геофизики в Институте геофизики Уральского отделения Академии Наук СССР. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1999). Их отношения с сыном хоть и вскользь, но разбирают биографы поэта – Илья Фаликов и Юрий Казарин.

Каков же отец в поэтическом мире Бориса Рыжего?

Лирический герой часто вспоминает раннее детство, когда его укладывали спать и читали на ночь стихи классиков или сказки (кстати, мать в схожей ситуации – поёт: *«Пела мне мама когда-то, слышал я из темноты: спят ребята и зверята тихо-тихо, спи и ты...»*):

Ну вот, я засыпаю наконец,
уткнувшись в бок отцу, ещё отец
читает: «выхожу я на дорогу»
(«Ну вот, я засыпаю наконец...»)

Элегическая интонация подкрепляется цитированием М.Ю. Лермонтова и выводит поэта на тему тотального одиночества. В «Роттердамском дневнике» Борис Рыжий отдельно отмечает этот момент: *«Когда я был маленьким, отец укладывал меня спать. Он читал мне Лермонтова, Блока и Есенина про жеребенка. Иногда детские стихи Луговского. Еще Брюсова про тень каких-то там латаний на эмалевой стене».*

В другом стихотворении всё это доводит лирического героя до предощущения скорой смерти:

Ты прости мне, отец,

но, когда я умру,
расскажи мне последнюю сказку
и закрой мне глаза – эту ласку
я не морщась приму.

(«Кальян» («Так и курят кальян...»))

Борис Петрович Рыжий, действительно, переживёт сына на три года. Но дальше в этом же стихотворении, в заключительной строфе, поэт проговаривает следующее:

Отнеси меня в лес
и скажи, в оправдание, птицам:
«Он хотел, но не мог научиться
ни работать, ни есть».

Чего здесь больше: ощущения несостоятельности ни в чём, самоуничужения, разрушения идеалов («А стихи, наконец, это слабость, а не озаренье») или отражения эпохи суровых девяностых (стихотворение написано в 1993 году)? Ещё и образ кальянного дыма, переносящий лирического героя если не из реального мира в ирреальный, то точно в какое-то пограничное состояние, помогает поэту создать атмосферу неясности, непонятности и неизвестности. На это работают и размеры стихотворных строк в каждой из строф: двустопный анапест в первой и четвёртой, трёхстопный – во второй и третьей.

И отец становится единственной фигурой, в которой можно увидеть не опору (если б это было так, то лирический герой не думал бы о смерти), но того человека, с которого всё началось и которым всё закончится. Чувствуется в этом и огорчение, оттого что пришлось разочаровать его. В другом стихотворении получается без видимого огорчения (однако оно всё равно считывается) и даже с напускным балагурством и показательным пацанским щегольством:

В спецшколу будем отдавать
его, пусть учится в спецшколе!
Отец молчит, и плачет мать,
а я с друзьями и на воле
ржу, научая слову «блядь»
дебила Николая, Колю.
(«Когда бы знать наверняка...»)

Отношения лирического героя с отцом вообще очень странные. Чего, кстати, нельзя сказать об отношениях с матерью: в стихотворении «Вспомина-

ние» («... просто так, не к дню рождения, ни за что...») родители дарят зимнее пальто, и ребёнок начинает чувствовать себя частью огромной страны («... В эту зиму было холодно, темно, / страшно, ветрено, бесчеловечно, но / сын, родившийся под Красною звездой, – / я укутан был Великою страшною»); в стихотворении «Музыка» («Что ж, и я нашел однажды...») мать необходима, что показать сына как человека увлекающегося совсем неважными делами – искусством, музыкой, созерцанием прекрасного; а заглавная строчка стихотворения «Так я понял: ты дочь моя, а не мать...» говорит сама за себя.

Отношения же с отцом можно разбить на три блока: чтение стихов и сказок на ночь, горечь от разочарования отца и невозможность разговора с отцом – либо ввиду его отсутствия, либо ввиду его смерти. Последнее проявляется в двух стихотворениях 1999 года – «А иногда отец мне говорил...» и «Прежде чем на тракторе разбиться...».

Приведём важные для нашей темы первую и третью строфу из первого стихотворения:

А иногда отец мне говорил,
что видит про утиную охоту
сны с продолженьем: лодка и двустволка.
И озеро, где каждый островок
ему знаком. Он говорил: не видел
я озера такого наяву
прозрачного, какая там охота!
Представь себе... А впрочем, что ты знаешь
про наши про охотничьи дела!

<...>

Я за отца досматриваю сны:
прозрачным этим озером блуждаю
на лодочке дюралевой с двустволкой,
любовно огибаю камыши,
чучела расставляю, маскируюсь
и жду, и не промахиваюсь, точно
стреляю, что сомнительно для сна.
Что, повторюсь, сомнительно для сна,
но это только сон и не иначе,
я понимаю это до конца.
И всякий раз, не повстречав отца,
я просыпаюсь, оттого что плачу.

Комментируя это стихотворение Илья Фаликов, биограф поэта, отмечает: «Стихи написаны так, словно это сын потерял отца, а не наоборот. Время

от времени БП [Борис Петрович – О.Д.] записывал свои мысли и наблюдения на разрозненных листах бумаги, но они не собраны и не сведены воедино. Не исключено, что в отрочестве-юности у него были и стихи, но они утеряны. Ровно наоборот он поступил с наследием сына – собрал всё до последней буковки, систематизировал, поместил в белые картонные папки»

Остаётся, правда, непрояснённым: где, когда и как лирический герой потерял отца. Более того – есть запись в «Роттердамском дневнике» (2000), помогающая понять, на каком материале текст был написан, а также – что в жизни всё могло быть ровным счётом наоборот: отец мог потерять сына или они оба могли утонуть. Приведём этот фрагмент: «Я уже спал и видел европейские сны <...> Меня разбудили возмутительно ласковые слова отца: просыпайся, Боренька, пора, дорогой. Отец расхаживал по домику в болотных сапогах, которые казались мне верхом мужской доблести. <...> Надень патронташ, – сказал отец. На этот раз в его голосе были повелительные нотки, и сердце мое сжалось: мы на охоте! Выплыли первыми. Дюралевая лодочка шла легко, я сидел на рюкзаке с чучелами и держал в руках ружье, мы плыли навстречу заре, первой мужской заре в моей маленькой жизни. Скоро озеро из черного стало голубым, солнце стояло достаточно высоко, и отец стрелял навскидку – два выстрела, чтоб не добивать на воде. <...> Проснулся я от головной боли, с трудом оделся и пошел в бар. Взял три больших пива и виски, какой-то голландской дряни закусить. Стал понемногу пить и вспоминать сон. Станный сон, вдруг подумал я, **ни доли вымысла** [курсив наш – О.Д.]. Попросил телефон и позвонил в Россию, в Екатеринбург, в кардиоцентр, попросил Рыжего из 501-й палаты. Отец подошел не сразу, а услышав мой голос, совсем почему-то не удивился. Ну как ты там? – спросил я. Останавливается... – сказал отец, – по-прежнему останавливается, говорят, надо менять бета-блокаторы, ты как? Я рассказал про сон. Знаешь, – сказал отец, – а я тогда понял, что ты настоящий мужчина, мы могли утонуть, а ты спокойно вычерпывал воду. По моей физиономии потекли пьяные слезы, и я поспешил проститься, пожелав скорейшего выздоровления и вообще. Боже мой, думал я, боже мой, мне и в голову не могло прийти, что со мной дурное случится, когда рядом ты. Я доверялся и доверяюсь тебе всецело. Береги его, отец, свое сердце. Ты умрешь, и я умру. Если ты дочитал до этого места, не отбросил брезгливо, поверь, я плакал и тогда, когда писал эти строчки. Я вообще теперь часто плачу».

Прочитав этот отрывок, можно предположить, что отсутствие отца в стихотворении «А иногда отец мне говорил...» – это следствие переживаний поэта о собственном отце, имеющем серьёзные проблемы со здоровьем. К слову,

стихотворение «Так я понял: ты дочь моя, а не мать...» – того же 1999 года.

Ещё один мотив – продолжение человека в другом человеке, отца в сыне. В этом стихотворении он даётся через строчку: «Я за отца досматриваю сны...». А в стихотворении «Живу во сне, а наяву...» (2000) – через осмысление одиночества и нелюбви к окружающим лирического героя людям:

Живу во сне, а наяву
сiju-дремлю.

И тех, с которыми живу,
я не люблю.

Просторы, реки, облака,
того-сего.

И да не дрогнула б рука,
сказал, кого.

Но если честным быть в конце
и до конца –

лицо свое, в своем лице
лицо отца.

За этот сумрак, этот мрак,
что свыше сил,

я так люблю его, я так
его любил.

Как эти реки, облака
и виражи

стиха, не дрогнула б строка,
как эту жизнь.

Однако нелюбовь появляется всё из-за тех же причин: тотальное одиночество, горечь от разочарования родных и нехватка общения с отцом. Это стихотворение очень созвучно есенинским строчкам: «Но коль черт в душе гнездились – значит, ангелы жили в ней».

Помимо этого, надо обратить внимание на то, как «просторы, реки, облака» и природа в принципе переходят из одного текста, связанного с образом отца, в другой. Борис Петрович Рыжий был большим любителем охоты и нередко брал сына с собой. Будучи геологом, он часто выезжал в экспедиции. Сын пошёл по стопам отца: окончил отделение геофизики и геоэкологии Уральской горной академии, а после – аспирантуру Института геофизики Уральского отделения РАН. Успел опубликовать 18 работ по строению земной коры и сейсмичности Урала и России. Более того – у него как у поэта можно сделать отдельную выборку текстов про геологические экспедиции: «От самого сердца» («Заозерский прииск. Вся власть – один презапойный мусор...», 1995), «Оставь мне небо тёмно-синее...» (1997), «Я работал на драге в посёлке Кытлым...» (1999) и пр.

И несмотря на всё, что уже удалось отметить в этой статье, мы сталкиваемся с крайне неоднозначной ситуацией в стихотворении «Прежде чем на тракторе разбиться...». В нём сходятся и природа, и охота, и отец, с которым нет должного контакта, и разочарование, и одиночество (хотя лирического героя окружает любящая семья), однако возникает новая фигура, на первый взгляд абсолютно не вписывающаяся в интимную об-

становку. Для начала приведём стихотворение целиком:

Прежде чем на тракторе разбиться,
застрелиться, утонуть в реке,
приходил лесник опохмелиться,
приносил мне вишни в кулаке.

С рюмкой спирта мама выходила,
менее красива, чем во сне.
Снова уходила, вишню мыла
и на блюде приносила мне.

Патронташ повесив в коридоре,
привозил отец издалека
с камышами синие озера,
белые в озерах облака.

Потому что все меня любили,
дерева молчали до утра.
«Девочке медведя подарили», –
перед сном читала мне сестра.

Мальчику полнеба подарили,
сумрак елей, золото берёз.
На заре гагару подстрелили.
И лесник три вишенки принёс.

Было много утреннего света,
с крыши в руки падала вода,
это было осенью, а лето
я не вспоминаю никогда.

По прочтении возникает несколько вопросов: почему лирический герой никогда не вспоминает лето – что тогда случилось? Зачем поэту нужна фигура лесника: как этот персонаж действует, что за ним стоит, почему мать лирического героя принимает его как родного?

Есть большой соблазн поддаться интертекстуальному анализу и в леснике Бориса Рыжего разглядеть «Лесника» (1974) Юрия Кублановского:

Румяный лесник с золотою бородкой,
к тому же – в фуражке с зелёной бархоткой
проехал...

И сердце забилось сильней.

Куда он направился? Верно, за водкой!

Я б тоже, любимая, выпил с охоткой,
да где её взять, не имея саней?

У Кублановского лесник тоже не является центральной фигурой (есть лирический герой и его возлюбленная), но оттягивает на себя читательское внимание. И, кстати, тоже в желании опохмелиться пьёт с утра пораньше водку. Борис Рыжий в 2000 году составил список «Лучших русских поэтов», куда вписывал особенно выдающихся своих современников: кого просто так, а рядом с кем-то ставил «+». Кублановский – отмечен знаком «+».

Разгаданная реминисценция, безусловно, любопытна, но она не помогает ответить на главный вопрос: почему лирический герой Бориса Рыжего не хочет никогда вспоминать лето – что тогда случилось? Ответ помогает найти опять-таки образ отца.

Его появление в тексте всякий раз случается в тот момент, когда рядом нет лесника. Понятно, что это может быть чистым совпадением. Лесник – всё время на работе, отец – на охоте. Это может быть какой-то сосед и друг семьи. Но есть ещё важные детали: отец появляется один раз, а лесник – два; отец в качестве подарков ребёнку привозит «с камышами синие озера, белые в озерах облака», а лесник – три вишенки. Во многом они похожи: и большую часть времени отсутствуют в жизни ребёнка, и живут в мире природы и неразрывно с ней связаны, и приносят от неё дары.

Учитывая анализ предыдущих стихотворений, можно предположить, что в представлении ребёнка отец разделяется на две личности – чужой лесник и родной отец. Причины такого психологического сбоя – те же: одиночества и нехватка общения с отцом.

Остаётся последний вопрос: почему лирический герой не хочет никогда вспоминать лето? Если мы утверждаем, что отец и лесник – это один человек, то он скорее всего умер. Что конкретно с ним произошло: «Прежде чем на тракторе разбиться, застрелиться, утонуть в реке...» – неизвестно. Но он пропал из жизни лирического героя. К слову, стихотворение написано в 1999 году, когда у Бориса Петровича Рыжего обнаружились серьёзные проблемы со здоровьем; а ещё Борис Петрович Рыжий умрёт летом – 7 июня 2004 года.

Мы видим, как тесно переплетены художественные тексты и жизнь поэта. Отношения Бориса Рыжего с отцом и отношения лирического героя с его отцом – во многом схожи, однако в стихах порой получается предощутить то, что произойдёт в реальности.

Примечание:

Олег Владимирович Демидов – российский поэт, критик и литературовед.